

С.Н. Темушев. Три основные темы в научном творчестве А. А. Савича (сжатый историографический анализ). / Темушев С. Н. // Российские и славянские исследования: Сб. науч. статей. Вып. 5 /Редкол.: О. А. Яновский (отв. ред.) и др. — Мн.: БГУ, 2010. — С.302–310.

С. Н. ТЕМУШЕВ

ТРИ ОСНОВНЫЕ ТЕМЫ В НАУЧНОМ ТВОРЧЕСТВЕ А. А. САВИЧА (сжатый историографический анализ)

Представленный выше жизненный путь историка-белоруса А. А. Савича был бы неполным без обозначения наиболее характерных аспектов его творческой биографии. Этому и посвящен данный историографический очерк. Ректор БГУ В. И. Пичета, в тесном творческом контакте с которым работал молодой ученый и преподаватель первые три года деятельности университета (1921—1924 гг.), дал характеристику научной компетентности своего коллеги. Он кратко назвал Александра Антоновича «историком-монографистом», публикация работ которого (находившихся в рукописи) «составит крупное явление в исторической науке» [1]. В. И. Пичета имел в виду прежде всего исследование историка о развитии начального и среднего образования на белорусских и украинских землях в XVII—XVIII вв. Исследование ученого «Западно-русские униатские школы XVII—XVIII веков» частично было опубликовано в № 1—3 «Трудов» Белорусского государственного университета.

Другим направлением исследовательской работы А. А. Савича, отмеченным ректором БГУ, было изучение отношений между Московским царством и Речью Посполитой в XVII в. Еще в период работы в БГУ им была завершена первая часть исследования «Русско-польские отношения в XVII в.» (до Деулинского перемирия 1618 г.). Работу над этой темой А. А. Савич в будущем продолжит. В период преподавания в БГУ Александр Антонович совершенствуется как исследователь разнообразных источников. Так, он обращается к проблемам древнерусского летописания (сведения Лаврентьевской, Ипатьевской и Новгородской первой летописей в Никоновском своде), житийной литературе («Житие старца Варлаама»), документам личного происхождения (дневник Самуила Маскевича). На анализе источников основывались и все семинарские занятия университетского преподавателя. Вот несколько примеров: древнейшие летописные своды, иностранные свидетельства о России XVI в., литературные памятники Смуты, Соборное Уложение 1649 г., «Наказ» Екатерины II», указы Петра I и т. д. Научными интересами А. А. Савича определялись и читаемые им лекционные курсы. Среди них можно отметить «Историю Московского государства XVI—XVII вв.», «Источники и историографию русской истории», «Культурные движения в Белоруссии в XVI—XVII вв.», «Историю народного образования в Белоруссии». Таким образом, исследовательская практика ученого находила непосредственное проявление в его преподавательской деятельности.

Совмещение исследовательских интересов с содержанием педагогической практики было характерно и для периода работы А. А. Савича в Пермском университете, затем в Пермском индустриально-педагогическом институте (1924—1932 гг.). Характерной особенностью этого периода стало также обращение ученого-педагога к краеведческой тематике. А. А. Савич стоял у истоков научной школы пермских историков-ураловедов [2]. С 1924 г. он первым на Урале начал чтение лекций по истории края. В 1925 г. этот курс лекций под названием «Прошлое Урала» был опубликован [3]. Это первое обобщающее исследование об Уральском крае охватывало значительный период времени от появления в регионе человека до конца XIX в. Отдавая дань приоритетному направлению исследований той поры, А. А. Савич значительное внимание уделил проблемам крестьянского и рабочего движения на Урале до Октября 1917 г. Эту тему ученый развил в специальном исследовании «Очерки истории крестьянских

волнений на Урале в XVIII—XX вв.», опубликованном в Москве в 1931 г. [4], а также в ряде статей («Пугачевщина на Урале» в журнале «Экономика», 1925, №1; «Тайное "Общество вольности" на Чермоозском вотчинном (Лазаревском) заводе 1836 г.» в сборнике «Пермский краевед», 1926, Вып. 2; и там же статья «Из истории крестьянских волнений на Урале в первой половине ХХ в.»). Несмотря на ряд достоинств данных работ (в их числе использование редких архивных материалов), в них отмечается неоправданная переоценка организованности и зрелости волнений рабочих в дореформенный период.

Опыт работы с архивными материалами пригодился ученому и при изучении новаторских для того времени проблем хозяйственной деятельности монастырей русского Севера и монастырской колонизации. К числу наиболее фундаментальных работ А. А. Савича, во многом не утративших свое значение до наших дней (судя по индексу цитируемости), относится монография «Соловецкая вотчина XV—XVII вв.» [5]. Данное исследование основано именно на архивных материалах (главным образом,

приходно-расходных книгах монастыря). Причем ученый разрабатывал обозначенную тематику именно в пермский период своей жизни. Дело в том, что в условиях неразберихи и хаоса, последовавших после революционных событий 1917 г., часть ценнейшего архива Соловецкого монастыря с легкой руки Б. Д. Грекова, в будущем корифея советской исторической науки, попала в Пермь. Здесь архивные материалы были размещены в здании бывшей семинарии. После же отъезда Б. Д. Грекова из Перми в 1918 г. архив неоднократно перемещался с места на место, частично был потерян, расхищен во время колчаковщины. Наконец, после гражданской войны сохранившиеся материалы стараниями работников пермского Губархива были собраны в местный музей. Именно здесь в 1924—1926 гг. с ними имел возможность познакомиться А. А. Савич.

Пермский период оказался чрезвычайно плодотворным для ученого. Уже в следующем году после издания монографии «Соловецкая вотчина» он подготовил для публикации в Пермском краеведческом сборнике работу «Из истории монастырской колонизации и хозяйства на Урале ХЛТ—ХЛП вв.» (1928). Затем в 1929 г. увидело свет обширное исследование А. А. Савича о монастырской колонизации Русского Севера [6], а в 1930 г. в «Ученых записках» Пермского университета вышла его работа «Монастырское землевладение на русском Севере ХГ/—Х\Ш вв.» [7].

В то же время А. А. Савич продолжил разработку темы военных конфликтов между Россией и Речью Посполитой в начале XVII в. [8]. Именно эта тема станет для ученого основной в последующий период его работы в Москве. В довоенные годы ученый реализовал свои знания проблемы польско-русских взаимоотношений в ряде разноплановых публикаций. В этом ряду стоят и серьезные научные исследования [9, 10], и научно-популярные издания [11], и публикации в серии «Молодежи об истории СССР» [12], и критический отзыв-разоблачение концепции оказавшегося неугодным властям историка М. Н. Покровского [13]. Тема борьбы с иноземной агрессией оказалась как никогда актуальной в годы Великой Отечественной войны. Советские историки внесли свой вклад в общее дело борьбы с врагом. Война шла и на идеологическом фронте, важно было показать торжество российского оружия на всем протяжении истории России—СССР и на исторических примерах массового и личного героизма продемонстрировать неременный результат всех попыток поработить свободолюбивый русский народ. Не оказался в стороне и А. А. Савич (укажем на одну из обнаруженных его работ этого времени: [14]). Основная идея работ историка рассматриваемого периода заключена в следующих словах: «Интервенты начала XVII в. получили хороший и назидательный урок. Но этот исторический урок должен быть назидательным и для тех, кто и сейчас мечтает о походе на нашу свободную социалистическую родину» [12, с. 59]. Весьма показательны следующие цифры, весьма недвусмысленно свидетельствующие о том значении, которое придавалось государством работам военно-патриотического характера (при этом не представляющим никакого интереса с научной точки зрения): труд А. А. Савича «Борьба

русского народа с польской интервенцией в начале XVII в.» был опубликован в государственном издательстве (Соцэргиз) тиражом в 40 000 экземпляров, в то время как его же монография, не потерявшая своего научного значения и в наши дни, — «Соловецкая вотчина» — вышла на средства автора тиражом в 400 экземпляров. В послевоенных работах ученый расширяет хронологические рамки своих исследований внешней политики России, обращаясь к проблеме войны России и Речи Посполитой за украинские и белорусские земли в 1654—1667 гг. [15].

Итак, к числу основных исследовательских проблем А. А. Савича относились: развитие системы начального и среднего образования на белорусских и украинских землях в составе Речи Посполитой, интервенция Речи Посполитой в Россию в начале XVII в. и в целом российско-польские отношения в первой половине XVII в., русская колонизация Европейского Севера, Урала и роль в ней монастырей, крестьянское и рабочее движение. При этом можно отметить, что, кроме последней темы (явно конъюнктурной), ученый оставался верен проблематике истории восточных славян (и в значительной степени Беларуси) XVI—XVII вв. Ниже остановимся на конкретном вкладе ученого в изучении выбранных им исследовательских проблем.

Наиболее раннее исследование А. А. Савича «Западно-русские униатские школы XVII—XVIII веков» было выполнено еще в 1917 г. и представляло собой магистерскую диссертацию. Часть этого труда была опубликована в «Трудах» БГУ, в значительной степени она легла в основу изданной в 1929 г. в Киеве монографии «Очерки из истории культурных движений в Украине и Беларуси в XVI—XVIII вв.» [16]. В предисловии к последней работе автор отмечал, что объем его магистерской диссертации составлял 1600 рукописных страниц (около 45—50 п. л.). Поэтому неудивительно, что она не могла быть опубликована в одном издании.

В первых опубликованных работах А. А. Савич основное внимание уделяет развитию образования на белорусских и украинских землях в составе Речи Посполитой. Однако не следует сводить всю диссертацию ученого к данной теме: изменения в системе школьного образования он показывает на

широком фоне развития культуры и религии, столкновении различных тенденций и влияний («культурных движений»), характерных для периода раннего нового времени. Это реформационное движение на территории Беларуси и Украины, контрреформация, деятельность ордена иезуитов, особенности функционирования православных братств, принятие унии, литературная полемика между сторонниками унии и православными и, наконец, значение для восточнославянских земель реформ Эдукационной комиссии.

В части диссертации А. А. Савича, опубликованной в «Трудах» БГУ, обстоятельно рассматривается деятельность в области школьного образования униатского ордена базилиан. Именно это духовное учреждение, по мнению исследователя, сосредотачивает в своих руках «все школьное дело» на территории униатской митрополии, т. е. на белорусских и украинских землях: «все эдукационные фондуши в конце концов переходят к базилианам» [17, с. 98]. Более того, и светское образование, особенно после изгнания с территории Речи Посполитой иезуитского ордена (1773 г.), оказывается в ведении базилиан. Униатские учреждения образования А. А. Савич делил на три группы: 1) школы для черного духовенства («монашествующей братии»), 2) школы для «светского юношества» и 3) школы для белого духовенства; но при этом отмечал, что и представители светских сословий могли проходить обучение в школах 1-й и 3-й групп, как и дети священников попадали во 2-ю группу школ [17, с. 123].

В целом первый исследовательский опыт А. А. Савича отличается прежде всего видением им проблемы на широком фоне столкновения западноевропейской католической и восточноевропейской православной цивилизаций. Ученый отмечал, что «эпоха базилианского просвещения отличается значительным поворотом от греческой науки и православного Востока к науке латинской и католическому Западу...» [17, с. 98]. С другой стороны, А. А. Савич был внимателен к деталям и значительную роль отводил влиянию отдельных личностей на исто-

рические процессы. Так, ученый отмечал значительный вклад в становлении униатской церкви, в целом, и организации школьного образования, в частности, митрополита Иосифа Вельямина Рутского («Дух Рутского всегда незримо витал в униатской церкви») [17, с. 99].

В основе исследования А. А. Савича лежали как опубликованные материалы, так и уникальные архивные документы, в том числе частная переписка XVII—XVIII вв. Сухой перечень использованных ученым рукописных (архивных) источников впечатляет: это архивные фонды Российской академии наук, рукописный отдел Государственной публичной библиотеки в Петрограде и публичной библиотеки в Вильно, отчеты польских генеральных визита-торов, посылаемых с ревизиями Эдукационной комиссией, архивные материалы униатских митрополитов, рукописный фонд М. О. Кояловича, материалы Киевского центрального архива (некоторое время находился в эвакуации в Саратове) и др. [16, с. 7—8]. Что особенно важно, часть материалов была позднее возвращена Польше по условиям Рижского мирного договора 1921 г. и, таким образом, стала недоступной советским историкам. Все эти обстоятельства позволяют утверждать о сохранении ценности работы А. А. Савича и для современных исследований проблемы развития системы образования на белорусских землях. К сожалению, в полном варианте его труд так и не был опубликован. Затронутая ученым тематика в новых условиях жесткого идеологического контроля над исторической наукой со стороны партийного руководства в 1930—1950-х гг. оказалась невостребованной.

Работа А. А. Савича «Очерки их истории культурных движений на Украине и Беларуси в XVI—XVIII вв.», опубликованная в Киеве в 1929 г., несмотря на то что являлась лишь предисловием к магистерской диссертации автора, представляет собой вполне законченное исследование. Цель данной работы обозначена ученым в предисловии — выяснить важнейшие этапы в культурных движениях на белорусско-украинской территории, показать, что представляла собой так называемая Брестская церковная уния [16, с. 3]. В поле зрения исследователя оказались также реформация и контрреформация на территории Украины и Беларуси, реформа системы образования в Речи Посполитой в последней четверти XVIII в. Кроме того, именно в данной работе всесторонний анализ получило такое интереснейшее явление восточнославянской истории, как православные братства. Остановившись на вопросе о братских школах, причинах их вытеснения католическими и протестантскими училищами, А. А. Савич отмечает, что произошло это не потому, что «латинская наука» была более привлекательной и братское школьное просвещение потерпело поражение, а в силу ряда преходящих, внешних и случайных факторов. Исследователь соглашается, что иезуитские и протестантские школы были хорошо организованы, но некоторые братские школы (например, львовская и киевобогоявленская) им не уступали. К тому же значительным преимуществом братских школ была их бессословность: в них могли учиться рядом и шляхтич, и мещанин, и убогий нищий [16, с. 186].

Значительную ценность представляют наблюдения А. А. Савича над реализацией на белорусских и украинских землях школьной реформы Эдукационной комиссии Речи Посполитой. Полемизуя с

польскими историками, он настаивает, что реформирование школы не могло спасти Польшу от политической гибели. Вместе с тем, что несомненной заслугой правительства Речи Посполитой является создание первого в Европе министерства народного просвещения, превращение проблемы развития образования в государственное дело, в реформах последней четверти XVIII в. можно обнаружить внутренние противоречия и, главное, проблематичность их реализации на практике. А. А. Савичу представляется, что инициаторы реформ были во многом идеалистами, энтузиастами, глубоко верящими в идеального человека, при этом они потеряли чувство пространства и времени и мечтали о воздушных замках. Новая школьная система не могла исправить обычаи польской шляхты, дисциплинировать ее, не отменяла она и тяжелой доли крестьянства. Чрезвычайно широкой была планируемая учебная программа, которую не могли бы освоить ученики, а кроме того, не спо-

собны были бы реализовать оставшиеся на прежних местах учителя. Важно также, что реформы Эдукационной комиссии, предполагая сделать образование национальным, совершенно игнорировали интересы двух восточнославянских народов, которые оказались в рамках Речи Посполитой, — белорусов и украинцев [16, с. 310—312]. Уже в этих выводах можно обнаружить глубокое понимание исследователем проблемы развития образования на территории Беларуси. Безусловно, эти выводы сохраняют свое значение и для современной исторической науки, тем не менее они не нашли должного отклика в наших вузовских или школьных пособиях по истории соответствующего периода.

В качестве положительной стороны изданной в Киеве работы А. А. Савича можно еще раз отметить его стремление не замыкаться в узких пространственных рамках культурных процессов Речи Посполитой. Ученый обращает внимание, что польскую школьную реформу последней четверти XVIII в. следует связывать с общей педагогической тенденцией, характерной для стран Западной Европы, главным образом, для Франции. Именно в это время западноевропейское общество чрезвычайно увлеклось вопросами образования или, шире, просвещения. Это увлечение было сродни некоей мании, или моде [16, с. 310].

Впоследствии Савич обратился к теме хозяйственной деятельности монастырей и их роли в колонизации Русского Севера. И при разработке темы Александр Антонович широко использовал архивные материалы, вдумчивый анализ которых позволял делать выводы, остающиеся актуальными и на современном этапе. По-прежнему ученого отличал широкий охват тематики, стремление рассматривать все стороны выбранного явления. В итоге сами исследования оказывались большими по объему, что создавало дополнительные сложности по их публикации. Подготовленный ученым к 1927 г. труд по истории Соловецкого монастыря был опубликован лишь частично на личные средства автора. Видимо, в последующие публикации по истории монастырей Русского Севера вошли части этой более ранней работы.

А. А. Савич рассматривал монастырь как крупное вотчинное хозяйство, «феодалную сеньорию», обладавшую рядом феодальных вольностей. Монастырь вместе с сетью многоотраслевого хозяйства (наряду с земледелием, животноводством, соляными, рыболовными и иными промыслами) содержал собственное войско и обладал определенной самостоятельностью, которой не собирался поступаться. На примере Соловецкого монастыря ученый создает картину сложного вотчинного хозяйства, объединявшего отдаленные земельные владения и угодья в одну хозяйственную единицу. Сам островной Соловецкий монастырь, в котором была сосредоточена вотчинная администрация, на длительное время оказывался отрезанным от материка, однако хозяйственная жизнь не прекращалась. Работа администрации была налажена настолько эффективно, что даже во время знаменитого «Соловецкого сидения» она продолжала функционировать, несмотря на все старания правительства Алексея Михайловича перестроить ее работу в свою пользу [5, с. 206].

В монографии «Соловецкая вотчина XV—XVII вв.» А. А. Савич применил как хронологический, так и проблемный методы изложения материала. Одной из ключевых проблем, к которой обратился ученый, было монастырское соляное хозяйство. По его мнению, «в XV—XVII вв. в руках севернорусского монастыря почти целиком оказалась главнейшая отрасль хозяйства Русского Севера — соляная промышленность» [6, с. 47].

Исследования А. А. Савича в области монастырской солепромышленности и солоторговли признаются этапными в разработке данной проблематики. Более того, именно А. А. Савич создал первый труд по истории соляной торговли и солеварения, основанный на архивных материалах, прежде всего на приходно-расходных книгах монастыря. Ученый обстоятельно рассмотрел организацию производства соли в каждом из усолій, представляющем собой самостоятельное предприятие. По мнению ученого, именно на соляном производстве главным образом концентрировалось хозяйство соловецкой вотчины [5, с. 93]. Анализ соляной торговли Соловецкого монастыря позволил прийти к выводу, что его главным рынком сбыта

был регион Приморья и Вологда, откуда соль распространялась иногородними купцами, которые, в свою очередь, продавали соль из соловецких варниц не только в центре России, но и на северо-западе [5, с. 133—134]. Ученый отмечает также, что самой торговлей могли заниматься не только представители усоллий, но и крупные перекупщики — купцы и зажиточные крестьяне. При этом «продавалась соль всегда крупными партиями, что не позволяет видеть в покупателе-оптовике непосредственного потребителя» [5, с. 135].

А. А. Савич останавливается и на вопросе о причинах концентрации солепродажи и соледобычи в руках монастырей, отсутствия у них конкурентов в лице правительственных и частных учреждений. Связано это было с предоставленными монастырям посредством выдачи так называемых тарханских грамот льготами. Однако на определенном этапе государство начинает бороться с чрезвычайными привилегиями монастырей. Эта борьба заканчивается своего рода компромиссом: монастырь обязался платить соляные пошлины, но правительству пришлось отказаться от взимания оброков с монастырских владений [5, с. 169].

Привилегированное положение монастырей оказывалось, по мнению ученого, также одним из важнейших факторов, способствовавших их активной роли в хозяйственном освоении, колонизации восточных и северных областей России. В другой своей монографии «Главнейшие моменты монастырской колонизации Севера XIV—XVII вв.» А. А. Савич делает вывод, что именно привилегированность монастырей, а также легкость их образования и примитивность устройства являлись «заманчивым мотивом и важнейшим стимулом для каждого основателя новой пустыни» [6, с. 116]. Ученый резонно отмечает, что аскетический идеал в создании монастырей давно был отодвинут на второй план житейскими и чисто практическими его функциями. Сама монастырская колонизация осуществлялась не на пустые места, а шла по уже проложенному руслу. Монастырь не был «пионером заселения центральных русских областей: везде он наталкивался на крестьянские селения, и во всех почти известных нам случаях образования нового монастыря вспыхивала обостренная борьба между пришельцем-старцем и местным крестьянским населением». Но царские жалованные грамоты, безусловно, отдавали победу в этой борьбе монастырям. Иная ситуация складывалась во взаимоотношениях монастырей с поместным землевладением, в этом случае государство оказывалось на стороне второго. Поэтому А. А. Савич обратил внимание на то обстоятельство, что монастырская колонизация происходит в том регионе, где поместно землевладение либо отсутствовало, либо было незначительным [6, с. 115].

Достаточно подробно при изучении истории монастырей останавливается А. А. Савич и на проблеме так называемого «Соловецкого сидения» 1668—1676 гг. [5, с. 249—280]. В данном вопросе снова проявляется такая характерная черта ученого-историка, как стремление всесторонне осветить выбранную для изучения тему. Так, при анализе причин и истоков соловецкого восстания в центре внимания А. А. Савича оказывается проблема сущности старообрядчества. Важно также отметить, что при анализе обозначенной проблематики ученый дает обстоятельный историографический обзор. Внимание к исследованиям предшественников, в некоторых случаях заочная полемика с ними весьма характерны и для других работ А. А. Савича. В этом отношении чрезвычайно показательным является разработка еще одной важнейшей проблемы, оказавшейся в центре внимания исследователя, — интервенции Речи Посполитой в Российское государство в начале XVII в.

По вопросу о польско-литовской военной интервенции в Россию начала XVII в. у А. А. Савича сложилась своя собственная концепция, которая вместе с обозначенной проблемой охватывает и понимание ученым общего характера и содержания наиболее трагического, сложносоставного и многопланового явления в истории России Нового времени — так называемого «Смутного времени». В представлении А. А. Савича польско-литовская интервенция начинается вместе с началом реализации авантюры Лжедмитрия I. Он категорически утверждает, что польская шляхта «создала военную базу для второго самозванца точно так же, как

несколько лет перед этим та же польская шляхта обеспечила успех Лжедмитрия I» [13, с. 179]. В другом месте ученый еще более категоричен: «мы решительно заявляем, что польское правительство и шляхта не только зорко и внимательно следили за ходом развивающейся самозванщины, но и оказывались и главными виновниками ее» [13, с. 188]. В своей научно-популярной переработке своей работы ученый первую главу прямо назвал: «Лжедмитрий I — агент польской интервенции» [11, с. 7—21]. В этом тезисе А. А. Савича заключается наиболее принципиальное отличие его позиции от концепции крупнейшего специалиста по истории Смуты С. Ф. Платонова. Последний был убежден, что первый

самозванец был исключительно «плодом русской интриги»: с помощью Лжедмитрия московское боярство пыталось напасть на Бориса Годунова [18, с. 270]. Близкие идеи высказывал и М. Н. Покровский, против концепции которого наряду с другими историками решительно выступал А. А. Савич в специально изданном сборнике статей. М. Н. Покровский считал, что польская шляхта стала интересоваться Лжедмитрием I только после того, как тот стал реальной силой, за которым стояло казачество и масса угнетенных и разоренных людей. Если бы не было этой массы, польским помещикам и не пришлось бы в голову помогать Лжедмитрию [19, с. 67]. А. А. Савич решительно отвергает это мнение и, более того, утверждает, что именно «Польша дала Лжедмитрию ядро его армии». «Только при наличии этого ядра Лжедмитрий отважился перейти русскую границу» [13, с. 195].

А. А. Савич обстоятельно рассматривает политику Лжедмитрия I в период его нахождения на московском престоле. В отличие от М. Н. Покровского, считавшего, что самозванец был «царем определенной дворянской группы, детей боярских и заокских городов, царем "военных людей"» [20, с. 34], ученый настаивает, что в действиях «царя Дмитрия» нельзя проследить ярко выраженное направление его политики. Лжедмитрий должен был действовать крайне осторожно, он не мог сразу приступить к выполнению своих обязательств по отношению к Польше, иначе он был бы немедленно свергнут [13, с. 198—199].

В оценке характера восстания под руководством Болотникова А. А. Савич в полной мере отдал дань господствовавшему в исторической науке его времени упрощенному пониманию сущности социальных конфликтов, сводящихся к как будто все объясняющему понятию классовой борьбы. Непререкаемым авторитетом для ученого служит указание «товарища Сталина» о болотниковском восстании как массовом крестьянском движении. Причина же поражения этого восстания заключалась «в общих условиях и свойствах крестьянских войн, в их стихийности и неорганизованности, в том, что не было еще рабочего класса, могущего возглавлять крестьянское движение» [13, с. 204, со ссылкой на работу И. В. Сталина «Беседа с немецким писателем Э. Людвигом»].

О решающей роли поляков А. А. Савич говорит и при рассказе об аванюре второго Лжедмитрия. «Потерпев поражение с Лжедмитрием I, польское правительство и шляхта пытаются достигнуть своей цели при помощи второго самозванца» [11, с. 21]. Сама польская интервенция видится ученому как сложный процесс, состоящий из нескольких этапов, причем начало неприкрытой интервенции (поход Сигизмунда III осенью 1609 г.) — это «только наиболее ярко выраженная стадия интервенции» [11, с. 7]. К этой стадии власти Речи Посполитой («польское правительство и шляхта») перешли только после того, как орудие в лице самозванцев оказалось уже мало пригодным [13, с. 208]. Неофициально, по мнению Савича, война Российского царства с Речью Посполитой уже происходила, поход же Сигизмунда представлял собой только «дальнейший и новый этап в интервенции, вызванный осложнившимися обстоятельствами русско-шведских отношений» [13, с. 214]. Цель же этого похода была проста — расширение территории Польши [13, с. 211]. Этот «открытый» этап интервенции завершается только с заключением Деулинского перемирия в декабре 1618 г. Но оно не было залогом прочного мира и заключало в себе причины неминуемой будущей войны [10, с. 112]. Российскому государству необходима была передышка после тяжелейших лет «смут-

ного времени». После же восстановительного периода «русский народ», «собрав свои силы», смог окончательно «выбросить с родной земли польско-литовских интервентов» [13, с. 243].

Таким образом, А. А. Савич создал завершенную концепцию российско-польских отношений начала XVII в. Многие из ее положений не прошли проверку временем. Тем не менее исследователь проблемы интервенции Речи Посполитой занял свое место в историографии истории России XVII в. Значимость фигуры А. А. Савича как исследователя именно проблемы польско-литовской интервенции в Россию в начале XVII в. была официально признана партийным руководством уже в конце 1930-х гг. Именно так необходимо расценивать тот факт, что именно ему доверили написать соответствующую часть сборника, посвященного разоблачению концепции М. Н. Покровского. Позднее именно его концепция ляжет в основу изложения ключевых событий Смуты в ряде параграфов официальных вузовских учебников по истории СССР [21, § 6—12.]. И хотя фамилия А. А. Савича не значится в числе авторов указанного учебника, в предисловии его составители посчитали необходимым указать на использование материалов ученого.

Александр Антонович Савич уже в первой своей научной работе очень убедительно рекомендовал себя как основательный, даже фундаментальный, чрезвычайно вдумчивый и кропотливый исследователь, старающийся найти объективные причины тех или иных явлений, не устающий работать с многочисленными источниками и предшествующей историографией. На протяжении всего своего творческого пути ученый неоднократно подтверждал данную ему В. И. Пичетой характеристику «историка-монографиста». Три основные темы его научных интересов, указанные выше, вылились в

несколько монографий, и при этом они не включали в полном объеме подготовленные тексты исследований. При этом не нужно забывать, что неутомимый ученый имел чрезвычайно насыщенную педагогическую практику.

Благодаря своим высокопрофессиональным исследовательским работам А. А. Савич занял достойное место в советской — российской и белорусской — историографии. К сожалению, ни один труд ученого не был переиздан. Между тем белорусскому читателю были бы весьма интересны его работы, касающиеся важнейших явлений в развитии культуры восточнославянских земель, находившиеся в составе Речи Посполитой. Полное же издание магистерской диссертации белорусского историка-слависта с современным комментарием стало бы событием в историографии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рукопись характеристики А. А. Савича В. И. Пичетой // Архив Российской академии наук. Ф. 1548. Оп. 1. Д. 439. (Автор глубоко признателен Е. В. Барановой, которая подготовила данный материал.)
2. Александр Антонович Савич // Пермский край. Энциклопедия [Электронный ресурс]. 2008. Режим доступа: http://enc.permkultura.ru/showObject.do?object=1803701888&viewMode=B_1803401803. Дата доступа: 04.03.2010.
3. Савич, А. А. Прошлое Урала: исторические очерки / А. А. Савич. Пермь, 1925. 133 с.
4. Савич, А. А. Очерки истории крестьянских волнений на Урале в XVIII—XX вв. / А. А. Савич. М. : Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1931. 178 с.
5. Савич, А. А. Соловецкая вотчина XV—XVII вв. (Опыт изучения хозяйства и социальных отношений на Крайнем русском Севере в Древней Руси) / А. А. Савич. Пермь : О-во ист., философ. и соц. наук при Пермском гос. ун-те, 1927. 280 с.
6. Савич А. А. Главнейшие моменты монастырской колонизации Севера XIV—XVII вв. / А. А. Савич // Сб. общества ист., философ. и соц. наук при Пермском гос. ун-те. 1929. Вып. 3. С. 47—116.
7. Савич, А. А. Монастырское землевладение на русском Севере XIV—XVII в. / А. А. Савич // Уч. зап. Пермского гос. ун-та. 1930. Вып. 2. С. 1—229.

7

8. Савич, А. А. Польско-литовская интервенция в эпоху великой Московской смуты / А. А. Савич // Сб. общества ист., философ. и соц. наук при Пермском гос. ун-те. 1927. Вып. 2. С. 58—87.
9. Савич, А. А. Борьба русского народа за свою независимость на северо-западной окраине в середине XIII в. / А. А. Савич // Уч. зап. МГПИ им. К. Либкнехта. 1939. № 4. Сер. историч. Вып. 2. С. 22—26.
10. Савич А. А. Деулинское перемирие 1618 г. / А. А. Савич // Уч. зап. МГПИ им. К. Либкнехта. Сер. историч. Вып. 2. 1939. С. 49—112.
11. Савич, А. А. Борьба русского народа с польской интервенцией в начале XVII в. / А. А. Савич. М. : Соцгиз, 1939. 55 с.
12. Савич, А. Разгром польской интервенции в XVII в. / А. Савич, О. Ровинский. М. : Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1938. 59 с.
13. Савич, А. А. Польская интервенция начала XVII в. в оценке М. Н. Покровского / А. А. Савич // Против исторической концепции М. Н. Покровского. Сб. статей. Ч. 1. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1939. С. 179—243.
14. Савич, А. А. Освобождение Москвы / А. А. Савич // Великое дело Минина и Пожарского: сб. / под ред. Н. М. Добровора. Горький : Горьк. гос. пед. ин-т им. А. М. Горького, 1943. 144 с.
15. Савич А. А. Борьба за Белоруссию и Украину в 1654—1667 гг. / А. А. Савич // Уч. зап. Московского гос. пед. ин-та. Кафедра истории СССР. 1947. Т. 2.
16. Савич, А. Нариси з історії культурних рухів на Україні та Білорусі в XVI—XVIII в. / А. Савич. Кієв : Всеукр. акад. наук, 1929. 321 с.
17. Савич, А. А. Западно-русские униатские школы XVII—XVIII веков / А. А. Савич // Труды БГУ. Б.г. № 2—3. С. 98—123.
18. Платонов, С. Ф. Лекции по русской истории / С. Ф. Платонов. М. : Высш. шк., 1993. 736 с.
19. Покровский, М. Н. Русская история в самом сжатом очерке / М. Н. Покровский. М.; Л. : Огиз «Московский рабочий», тип. «Красный пролетарий», 1931. 268 с.
20. Покровский, М. Н. Русская история с древнейших времен: в 4 т. / М. Н. Покровский. М. : Гос. изд-во, 1922. Т. 2. 236 с.
21. История СССР. Т. 1: С древнейших времен до конца XVIII века / под ред. Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина, В. И. Лебедева. 2-е изд. М. : ОГИЗ, Гос. изд-во полит. лит-ры, 1948. 744 с.

SUMMARY

This article is devoted to creative way of one of the first professors of the BSU, to the professional historian A. A. Savich. The author of this article considers the three basic directions of researches of the scientist — education system development on the Belarus earths in Polish-Lithuanian Commonwealth, the Russian-Polish relations in first half XVII century, economic activities of monasteries.

Статья поступила в редакцию 29 сентября 2009 г